

О Т З Ы В

официального оппонента доктора исторических наук, профессора Скрынниковой Татьяны Дмитриевны о диссертации Цыремпилова Николая Владимировича «ГОСУДАРСТВО И БУРЯТСКАЯ БУДДИЙСКАЯ ОБЩИНА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII – НАЧАЛА XX В.», представленной к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Актуальность данного диссертационного исследования не вызывает сомнений. Это объясняется тем, что буддизм приобретает в настоящее время все большее значение в идентификационных практиках современного бурятского общества. Безусловно, наряду с появлением новых, обусловленных современными процессами форм взаимоотношений буддийской общины с государством, актуализируются практики, которые складывались на протяжении трех столетий распространения буддизма в границах Российской империи. Совершенно справедливо утверждение Н.В. Цыремпилова: «С одной стороны, империи всегда были для религий как сферой возможностей для развития и распространения, так и полем постоянных вызовов и принуждений к трансформациям. С другой стороны, религии представляли для империй неисчерпаемый источник власти, ее легитимации и сакрализации, эффективный механизм принуждения и контроля над подданными и, наконец, пространство и средство для идеологической и территориальной экспансии» (с. 4).

Выбор темы и постановка проблемы представляются обоснованными, что определяется важностью осмысления взаимоотношений администрации всех уровней в Российской империи с бурятской буддийской организацией, представлявшей собой заметную часть буддийского мира. То, что проблема взаимоотношений буддийских институтов с государством не только сохраняет свою актуальность по сей день, но и занимает важное место в современных геополитических процессах как в Азии, так и во всем мире, также во многом определяет **актуальность** представленной диссертационной работы.

Нельзя сказать, что отдельные аспекты как буддизма в Бурятии, так и значения администрации Российской империи в его укреплении в регионе не являлись объектом исследования специалистов – религиоведов и историков. Несмотря на это, в изучении проблемы успешного распространения буддизма, значения участия российской администрации в формировании системы буддийских монастырей в бурятской среде оставалось много недостаточно проясненных вопросов. Рассматриваемый период стал ключевым для институциализации буддизма в границах широкого региона проживания бурят, он дает прекрасный материал для понимания роли российской политической элиты в этом процессе, формулируемых ею, как и бурятской буддийской элитой, идеологических и политических проектов. Причем автором подчеркивается значение законодательных документов, определяющих характер взаимоотношений формирующегося института церкви с государственными структурами. Поэтому особое значение придается в работе Н.В. Цыремпиловым официальным документам, прежде всего законодательным актам, представленным правительственными указами; а также распоряжениями, циркулярами и протоколами местных и общероссийских органов власти, в частности Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел, Департамента общих дел этого же ведомства, Главного управления Восточной Сибири, Сибирского комитета, генерал-губернаторства Восточной Сибири, Иркутского генерал-губернаторства и других ведомств. Не менее важными группами документов, которым уделил внимание соискатель стали дела, в которых рассматриваются отдельные вопросы, решавшиеся совместно правительственными органами и буддийской религиозной администрацией; внутренние распоряжения и циркуляры канцелярии Бандидо Хамбо-ламы; отчеты и очерки правительственных чиновников и православных миссионеров. Соискателем были проанализированы не только действующие законодательные акты, но и проекты законов по управлению буддистами Восточной Сибири.

Анализ этих материалов, представленный в работе Н.В. Цыремпилова, свидетельствует о значительном внимании, которое уделяла администрация Российской империи буддизму на своей территории, и позволил ему показать эволюцию взаимоотношений буддийской общины с Российским государством, изменения которых диктовались как внутри-, так и внешнеполитическими обстоятельствами. В историографическом разделе соискатель, анализируя труды предшественников, выделил три этапа, подчеркнув, что различия в оценке роли и значения буддизма и взаимоотношений буддийской сангхи с государством определялись идеологическими мотивами, господствующими в соответствующие периоды (1) исследования, датируемые XVIII – началом XX вв.; 2) историография XX века, в отечественной истории приходящаяся в основном на советское время; 3) исследования последних трех десятилетий, в России характеризующиеся отходом от советских идеологических клише).

То, что предшественниками был накоплен огромный материал, что отметил Н.В. Цыремпилов (с. 4-21), позволило ему представить работу, в которой наиболее полно и всесторонне реконструирована история взаимоотношений буддийской общины и государства, постепенная трансформация культурно-исторической роли буддизма в политических практиках Российской империи.

Соискателем активно использовались данные оригинальных источников на монгольском и тибетском языках, среди которых центральное место занимают монастырские уставы, в которых подробно излагается внутренняя структура и свод правил, по которым жила буддийская община бурят в первой половине XX века, биографии буддийских лам: Хамбо-ламы Д.-Д. Итигэлова, А. Доржиева (LTWA, Асс. No. 17310); Д.-Д. Заяева («Записка Чимитова»); бурятские исторические хроники.

Столь основательная источниковая база является результатом профессиональных интересов автора, лично в течение нескольких лет

Анализ этих материалов, представленный в работе Н.В. Цыремпилова, свидетельствует о значительном внимании, которое уделяла администрация Российской империи буддизму на своей территории, и позволил ему показать эволюцию взаимоотношений буддийской общины с Российским государством, изменения которых диктовались как внутри-, так и внешнеполитическими обстоятельствами. В историографическом разделе соискатель, анализируя труды предшественников, выделил три этапа, подчеркнув, что различия в оценке роли и значения буддизма и взаимоотношений буддийской сангхи с государством определялись идеологическими мотивами, господствующими в соответствующие периоды (1) исследования, датируемые XVIII – началом XX вв.; 2) историография XX века, в отечественной истории приходящаяся в основном на советское время; 3) исследования последних трех десятилетий, в России характеризующиеся отходом от советских идеологических клише).

То, что предшественниками был накоплен огромный материал, что отметил Н.В. Цыремпилов (с. 4-21), позволило ему представить работу, в которой наиболее полно и всесторонне реконструирована история взаимоотношений буддийской общины и государства, постепенная трансформация культурно-исторической роли буддизма в политических практиках Российской империи.

Соискателем активно использовались данные оригинальных источников на монгольском и тибетском языках, среди которых центральное место занимают монастырские уставы, в которых подробно излагается внутренняя структура и свод правил, по которым жила буддийская община бурят в первой половине XX века, биографии буддийских лам: Хамбо-ламы Д.-Д. Итигэлова, А. Доржиева (ЛТВА, Асс. No. 17310); Д.-Д. Заяева («Записка Чимитова»); бурятские исторические хроники.

Столь основательная источниковая база является результатом профессиональных интересов автора, лично в течение нескольких лет

занимавшегося составлением каталогов рукописей и ксилографов Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, уже опубликованных. Некоторые тексты переведены автором впервые и введены им в научный оборот.

Пожалуй, это единственное исследование, где с одинаковой полнотой проанализированы как деятельность российских имперских институтов, выработывавших систему администрирования буддийской общины в рамках империи (от проектов до законов), так и участие представителей буддийской общины в процессе формирования характера взаимоотношений. Это позволило ему не только реконструировать формы взаимоотношений имперской администрации и буддийской общины, но и показать процесс формирования и эволюцию законодательной базы, определявшей и обеспечивавшей механизмы реализации отношений «власть – буддийские институты».

Выявление круга источников, огромная лингвистическая работа по переводу текстов и документов на разных языках, введение в научный оборот доселе неизвестных научному сообществу материалов позволили Н.В. Цыремпилову предложить системное исследование, что, несомненно, составляет **новизну** данной диссертационной работы. И еще один аспект, который, безусловно, определил новизну диссертационной работы – это теоретико-методологические подходы исследования. Автор не просто их перечислил, как это часто бывает, он продемонстрировал не только во введении (с. 23-26), но и показал в тексте диссертации, какие методы с наибольшей полнотой позволяют раскрыть конкретные аспекты взаимоотношений буддийской общины с Российским государством. Именно использование современных аналитических методов наряду с широкой источниковой базой позволили Н.В. Цыремпилову предложить столь полномасштабное исследование.

Представляется оправданной структура работы Н.В. Цыремпилова. Во «Введении» обосновывается тема исследования, излагаются основная цель и

содержание работы, где автором сформулированы основные вопросы, очерчивающие проблемное поле; дается общая характеристика источников, важнейшими из которых являются как архивные материалы, так собственные переводы автора монголо- и тибетоязычных текстов, впервые введенных в научный оборот, что, безусловно, составляет сильную сторону работы; дается исчерпывающий историографический обзор. Четко сформулированы актуальность и новизна диссертационного исследования.

Что касается основного содержания диссертационной работы, то можно сказать, что вполне логична тема гл.1 – «Исторические формы взаимодействия буддийских общин с государством», где кратко, но емко и четко охарактеризованы формы взаимоотношений светской власти с буддийскими институтами в разное время в разных регионах, что позволило соискателю показать разнообразие контактов, общее и особенное этих взаимоотношений. Нельзя не согласиться с выводом Н.В. Цыремпилова, сделанным им в результате анализа, о том, что для сохранения и нормального функционирования буддийской сангхи необходимо взаимодействие ее с государством, что является общим для всех рассмотренных им регионов. Наиболее важными в этой главе являются параграфы, где рассматривается место и значение буддизма в Тибете, Монголии и Цинской империи, с которыми бурятский буддизм был связан, ведь первыми ламами на территории проживания бурят были тибетские и монгольские ламы.

Дальнейшая структура диссертационного исследования представляет собой анализ религиозной политики России периода империи, краеугольным камнем которой, по справедливому мнению Н.В. Цыремпилова, было формирование и сохранение стабильности социально-конфессиональной структуры. Поэтому он прежде всего определяет основания (§ 1), определявшие направление политики российской администрации в отношении буддизма. В первом параграфе второй главы была определена «российская модель взаимоотношений с религиозными меньшинствами», где автор, подчеркнув значение политической ситуации (на периферии империи,

где недовольство населения могло привести к проблемам, к которым власти не были готовы в связи со своим слабым военным присутствием и близостью конкурирующих держав. – с. 131) на формирование взаимоотношений буддийской сангхи и государства, выделяет две характерные черты религиозной политики Российской империи.

Первая. «Империя мыслила религиозными, а не этническими или какими-либо иными категориями. Конфессиональность лежала в основе социального порядка. Каждый подданный империи должен был относиться к определенной религиозной конфессии» (с. 132). Вторая. «Конфессия в сознании имперских чиновников была всегда тесно связана с понятием порядка и морали, пусть и в интерпретации аборигенов, но все же обладавшими некоторыми универсальными характеристиками, которые при определенной имперской «настройке» способны служить государственным интересам... Такой подход обеспечивал властям лояльность элит религиозных меньшинств и зачастую приводил к их отчуждению от маргинализированных течений, в том числе и за рубежом. Платой за имперской покровительство для легитимных религиозных администраторов было их подчиненное положение властям, которое обеспечивалось их встроенностью в бюрократический аппарат» (с. 135-136). Эти две черты религиозной политики Российской империи определили и дальнейшую деятельность государства по установлению отношений с новым зарождающимся на ее территории институтом.

И во второй главе (§ 2) описываются первые шаги распространения буддизма среди бурят, инициаторами которых были представители аристократии, которые рассматривали буддизм как канал сакрализации и легитимации их власти (с. 141-148). Военно-стратегические приоритеты Российской империи определили либеральное отношение к буддизму и отказ от агрессивной христианизации бурят, территория проживания которых была зоной фронта, в обмен на их лояльность. И параграфы 3 и 4 посвящены описанию первых шагов российской администрации по

контролю свободного передвижения и четкого определения подданства, когда власти могли заняться вопросами интеграции жителей фронта в имперскую управленческую и социальную структуру, что было связано с заключением Нерчинского и Кяхтинского договоров и появлением в 1727 г. первого юридического документа «Инструкции пограничным дозорщикам», в которой отразилась двойственность религиозной политики Российской империи: желание ограничить сочеталось в них со стремлением упорядочить и использовать в своих целях. «"Инструкция пограничным дозорщикам" стала первым документом, не только косвенно признававшим существование буддийской сангхи на сибирской территории империи и, таким образом, легитимировавшим ее статус, но и заложившим основные принципы отношения к ней со стороны властей. ...Из данного документа становится ясно, какие вопросы российская администрация пыталась решить на первых этапах взаимоотношений с буддистами: 1. изолировать буддийскую общину от религиозных институтов, находившихся под контролем Цинской империи; 2. устранить угрозу финансовой состоятельности местного населения в связи с деятельностью пришлых буддийских монахов; 3. сосредоточить контроль над ламами в руках одного из родовых лидеров и, таким образом, централизовать управление делами буддийской сангхи» (с. 149-150). Действительно можно согласиться с соискателем в том, что эти принципы легли в основу и дальнейшей религиозной политики администрации Российской империи.

Причем следует обратить внимание на точку зрения Н.В. Цыремпилова, справедливость которой подтверждают приведенные им материалы, что «инициаторами первых правил, регулирующих жизнь буддийской общины, могли быть сами ламы, которые воспринимали такую функцию государства как естественную и необходимую. Для российской администрации, которая на первых порах действовала, лишь реагируя на инициативы самих буддистов, эти правила носили смысл ограничения. Стратегической целью российской администрации в начале XVIII века было

завоевание лояльности бурятского населения и ограничение их связей с соседней империей посредством блокирования религиозных каналов. Еще одним важным приоритетом российской политики в отношении буддийских лам в Забайкалье был контроль над их численностью. Главным образом этим объясняется стремление централизовать управление общиной, консолидировав его в руках главного ламы» (с. 160).

Анализируя пошаговую деятельность администрации Российской империи по официальному признанию легитимности буддийской общины в Забайкалье и организации мер по регулированию численности монахов и путей их миграций, Н.В. Цыремпилов неизменно подчеркивает, что деятельность российских властей на разных уровнях по выработке внятной государственной религиозной политики инициировалась и определялась изменениями в позиции буддизма среди бурят, а именно рост и постепенная экспансия буддийской сангхи в Забайкалье, а также, возможно, и инициатива самих лам, нуждавшихся в четком определении своего статуса в империи. Это было обусловлено ключевым интересом внутренней и внешней политики Российской империи, что инспирировало корректировку определения характера и направления взаимоотношений государства и буддийской общины как реакции администрации на вызовы расширявшего свое влияние буддизма и конкуренцию религиозных центров за лидерство в регионе. И, по мнению соискателя, «Очевидно, что в этот период имперские власти не готовы к адекватному взаимодействию с общиной, а потому инициатива о государственном регулировании общины исходит от самих верующих» (с. 181).

Если, по мнению соискателя, «Российская политика первой половины XVIII века в отношении религиозных меньшинств, не только буддистов Забайкалья, еще не приобрела ясных контуров», то «во второй части этого столетия, почти полностью приходящейся на правление Екатерины II, будут сформулированы и реализованы новые принципы отношений империи с религиями» (там же). В эпоху Екатерины II подтвердилась взаимная

заинтересованность государства и общины, было закреплено верховное положение титула Бандидо Хамбо-ламы в иерархии бурятских буддистов. Н.В. Цыремпилов отметил, что с этого момента можно говорить о процессе централизации общины, хотя это не исключало и борьбы за лидерство между монастырями, что обуславливалось борьбой за лидерство между родовыми объединениями.

Важным для дальнейшего анализа является заключение второй главы: «И хотя Бандидо Хамбо-лама все еще был далек от окончательной консолидации власти в своих руках, сталкиваясь с попытками отложения приходов, он мог рассчитывать на поддержку со стороны государства. Либеральный вектор религиозной политики, связанный с восшествием на российский престол Екатерины II, обеспечивает буддистам даже некоторое покровительство со стороны властей, в частности, в деле строительства буддийских монастырей, число которых стремительно растет.

И все же главной проблемой, которая мешала развитию системы взаимоотношений между государством и централизованной религиозной администрацией, было отсутствие законодательной основы. В ясных и твердых правилах были заинтересованы обе стороны, и движение навстречу в этом вопросе мы наблюдаем уже в первой четверти XIX века» (с. 203)

Это определило содержание третьей главы «Первые проекты религиозного законодательства (первая половина XIX века)». Достоинством данной диссертации является то, что впервые анализируются не только действующие законы, указы и постановления администрации Российской империи по контролю деятельности бурятской буддийской общины, но и реконструируется процесс поиска путей осуществления этого контроля – различные проекты, предлагаемые представителями разных ведомств. Составители проектов принадлежали к разным направлениям: либеральному и консервативному.

«В рамках первого подхода, которого придерживалось Министерство иностранных дел, особое внимание уделялось внешнеполитической

конъюнктуре. Чиновники Азиатского департамента МИДа рассматривали «лаамский вопрос» в контексте широких географических границ и сложных интересов, среди которых была трансграничная торговля с Цинской империей, приносящая немалый доход казне. Поэтому с МИДом в этом вопросе солидаризировалось Министерство финансов. На другом полюсе проблемы находились чиновники Главного управления Восточной Сибири и Сибирского комитета, которые смотрели на внешнеполитическую ситуацию с иных позиций. Ослабление Цинской империи и агрессивное проникновение Британии на китайские рынки, по мнению провинциальных властей, развязывали им руки в «лаамском вопросе». Уваровская идеология официальной народности, предполагавшая активную христианизацию и аккультурацию религиозных меньшинств, также создавала яркий интеллектуальный фон, влиявший на взгляды чиновников на проблему «лаамского идолопоклонства». Третий подход, несомненно, более тяготевающий к точке зрения губернских властей, но все же учитывавший точку зрения МИДовцев, разрабатывался Министерством внутренних дел. Однако в первой половине XIX века ни одно из направлений не получило поддержки Николая I, и свод правил, по которым должны были управляться бурятские буддисты так и не был принят» (с. 273-274). Это несмотря на то, что обе стороны были заинтересованы в появлении законодательной базы: с одной стороны, стремление буддистов в участии в обсуждении правил своей жизни в рамках Российской империи, а с другой стороны, было желание российской администрации идти навстречу.

В четвертой главе «Оформление системы управления буддийскими подданными в Российской империи во второй половине XIX века» Н.В. Цыремпилов констатирует, что к середине XIX века центр бурятской буддийской общины окончательно закрепился в Гусиноозерском дацане, одновременно укрепился и авторитет Бандидо Хамбо-ламы. Большое значение в усилении позиций буддизма на территории Российской империи имело появление на свет «Положения о лаамском духовенстве

1853 г.», которое стало «своего рода компромиссом между различными воззрениями на стиль управления бурятскими буддистами: по духу оно было выполнено в соответствии с запретительными проектами А. С. Лавинского и, отчасти, Левашева, но в то же время его текст имел прямую преемственность от Кудунского устава через проект Шиллинга» (с. 297). К этому совершенно справедливому выводу соискатель пришел в результате детального сравнения данного Положения с проектами, о которых шла речь в предыдущей главе. Был учтен также опыт Цинской империи по управлению монгольским населением. Необходимость данного Положения диктовалась настоятельной потребностью определить структуру и иерархию и численность буддийской сангхи и статус монахов, а также религиозную политику имперской администрации по отношению к ее членам, на что указывает Н.В. Цыремпилов: «временами не только Министерству иностранных дел, но МВД приходилось становиться на позиции защиты религиозных меньшинств во имя сохранения мира и стабильности на все еще слабо контролируемой имперской властью периферии» (с. 288).

Темой третьего параграфа (с. 297-308) этой главы стал анализ конфликтов буддистов с местными властями, для решения которых буддисты апеллировали к императору, который, по их мнению, был гарантом стабильности их существования. Власти не только принимали как должное зарубежные связи бурятских буддистов, но и учились их использовать. Можно согласиться с соискателем в том, что «Имперская политика возвращивания лояльной церкви со временем достигала своей цели. Осознание общности интересов способствовало созданию отлаженной системы взаимодействия между государственной и религиозной бюрократиями. Так, еще вчерашние «свои» становятся «чужими», а зарубежное духовенство, из которого когда-то сформировалась официальная церковь, становится соперником в борьбе за «души верующих»» (с. 319-320).

Правительство контролировало не только «чужих лам», но и пыталось установить цензуру на бурятскую буддийскую литературу (§ 5), что не получило развития из-за недостатка квалифицированных специалистов, способных анализировать религиозную литературу на монгольском и тибетском языках, недостатка средств и организационной поддержки правящих органов. Следует привести вывод, сделанный по материалам четвертой главы: «Однако все эти тенденции не следует, по нашему мнению, рассматривать через призму противостояния между бурятской буддийской общиной и империей. Защищая свои права, буддисты не только использовали противоречия, заложенные в системе администрирования громадной по своим размерам империи, но и искали союзников в среде либерально настроенных чиновников, общественных деятелей и академических исследователей. Они смотрели на империю не как на враждебную силу, но как на поле возможностей и сферу симбиотического взаимодействия. Взгляды русского общества на буддизм также не были едиными и неизменными. Вторая половина XIX века стала временем сближения двух миров на интеллектуальном и культурном уровне, что рассмотрено нами подробнее в следующей главе диссертации» (с. 335).

Пятая глава «Бурятская буддийская община и российское общество: проблемы взаимного восприятия» замечательна тем, что в ней **впервые** на основе детального анализа нативных (монголоязычных и тибетоязычных) источников дается развернутая характеристика особенностей восприятия бурятскими буддистами Российской империи, императора и православия в контексте буддийской картины мира. «Несомненной частью этого процесса являлось и введение фигуры российского монарха в сферу сакральных буддийских символов, наделение его атрибутами дхармического властителя в индо-буддийской культурной парадигме. В гимнах и славословиях, адресованных монарху, его нередко именуют традиционными индо-буддийскими эпитетами чакравартина, дхармараджи, воплощением Индры и Вишну, ему приписываются функции защитника и распространителя

буддийского учения. ... Апофеозом этого процесса сублимации российского императора в буддийской традиции стало якобы имевшее место в 1767 году объявление Императрицы Екатерины II воплощением бодхисаттвы Тары в белой ее ипостаси» (с. 343-344). Н.В. Цыремпилов отмечает значение концепта империи для буддистов, поскольку российская империя представляла собой поле возможностей для них.

Более сложным было восприятие буддизма глазами православного духовенства, чиновников и общественности, поскольку эти группы представляли разные социальные слои, выполнявшие разные функции. Представители православной церкви (с. 348-359), как проводники официальной идеологии, негативно оценивали буддизм, его учение, определяя деятельность лам в христианском государстве как преступную (с. 354). «Изменение отношения к буддизму в России, интерес к российским буддистам на стыке веков прослеживается в отчетах чиновников, наблюдениях журналистов и светских публицистов. В последние годы XIX столетия в русской либеральной прессе встречаются статьи, в которых буддизм описывается как жертва чиновничьего и миссионерского произвола» (с. 366-367).

Да и имперская администрация, как отмечает Н.В. Цыремпилов, несмотря на активные усилия православных миссионеров и публицистов по формированию негативного образа бурятских буддистов, не стремилась к противостоянию с буддийской общиной, учитывая их проживание во фронтальной зоне.

В заключении приводятся основные выводы диссертационного исследования (с. 372-381), справедливость которых не вызывает сомнений.

Работу можно назвать новаторской. Не было столь полного многоаспектного исследования: с одной стороны, подробно реконструирована эволюция взаимоотношений государственных институтов и буддийской общины – процесса, в котором принимали участие различные акторы, с другой – анализ этих взаимоотношений показан в контексте

имперской религиозной политики в регионах, которые можно обозначить как «собственный Восток России». На мой взгляд, в работе можно видеть оптимально сочетание детальной реконструкции данного процесса с его глобальным анализом.

Содержание всех пяти глав диссертации взаимосвязано, они дополняют друг друга, что позволило Н.В. Цыремпилову воссоздать полную и многомерную картину: реконструировать взаимоотношения представителей бурятского буддизма с правителями государственных образований на территории Российской империи, и их поэтапную эволюцию, вызванную совокупностью политических и общественных отношений конкретной эпохи; выделить, описать и проанализировать основные направления в системе взаимоотношений светских властей разного уровня в Российской империи и духовных иерархов буддийской общины и их деятельности. В результате Н.В. Цыремпиловым успешно разработана и всесторонне аргументирована наиболее системная картина становления и развития институциональной структуры буддийской общины в бурятской среде в России периода империи. Им показано, как целенаправленное государственное патронирование буддийской церкви, хотя и не всегда успешное, моделирует иерархию церковной организации, контролируемой имперской администрацией России.

Автор хорошо знает обширный круг источников, без чего невозможно получение нового знания. Н.В. Цыремпилову удалось войти в сложившуюся традицию изучения бурятского буддизма и вписать новые страницы в его историю. Кроме того, я считаю большим достоинством работы продуманность, четкость, логическую выверенность текста диссертации. Автору удалось создать полноценный научный самостоятельный текст. Диссертация чрезвычайно насыщена фактическим материалом, семантические грани которого тесно взаимосвязаны. Автору удалось весьма продуманно скомпоновать его, сопровождая многообразие фактов детальным анализом, в пяти главах, развивающих кардинальные положения

предложенной концепции – определению характера религиозной политики Российской империи и ее взаимоотношения с бурятской буддийской сангхой на протяжении почти трех столетий. Я считаю это показателем глубокого понимания сути изучаемых явлений. Можно сказать, что представленная к защите диссертация может быть обозначена как образцовое квалификационное сочинение, выстроенное по всем законам жанра.

Хотелось бы сделать одно частное замечание. На с. 114 Н.В. Цыремпилов пишет: «Традиция патронирования монгольскими ханами монашеских общин и крупных религиозных авторитетов привела к постепенному перемещению **реальной власти** (выделено мной. – Т.С.) в руки хубилганов и крупных монастырей. Буддийская историография постепенно закрепила подчиненный статус светских покровителей буддизма, а обычное право закрепило за хубилганами и монашеством преимущественные права перед другими категориями населения. Как и в Тибете, в Монголии до Цинского владычества количество монахов никак не регулировалось, а монастыри оставались фактически автономными учреждениями, быстро превращающимися в крупные экономические учреждения». Думается, что выражение «реальная власть в руках хубилганов» не имеет институционального значения и не совсем корректно в данном контексте. Безусловно, в Халхе наиболее сильными экономически были крупные монастыри и находящиеся при них хубилганы, что делало их достаточно активными акторами не только во внутривластной, но и во внешнеполитической деятельности, но все-таки административные функции по управлению хошунами осуществлялись светскими властями. Именно они осуществляли контроль и над монастырями, разрешали территориальные и прочие споры между монастырями и населением, именно они наделили духовенство привилегиями, то есть политические практики были делом светских властей различного уровня.

Ознакомление с диссертацией Н.В. Цыремпилова дает основание прийти к заключению, что она является, безусловно, оригинальным, отличающимся

исследовательской новизной, добротнo выполненным и законченным трудом по теме, важной для расширения, обогащения и уточнения имеющихся на сегодня в науке представлений о значении взаимной деятельности России в имперский период и бурятской буддийской сангхи и ее политической и культурно-исторической роли в регионе. Научная добросовестность автора, фундированность и достоверность приведенных в диссертации положений не вызывают сомнений. Основное содержание данной работы нашли адекватное отражение в автореферате, содержание которого соответствует диссертации, и публикациях. Замечание не снижает высокого уровня представленной к защите диссертационной работы Н.В. Цыремпилова, что дает основание считать, что ее автор, безусловно, заслуживает присуждения ему искомой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент

Доктор исторических наук,
профессор, заведующая Отделом
Центральной и Южной Азии
ФАНО России ФГБУН Института
восточных рукописей РАН

Скрынникова
Татьяна
Дмитриевна

Адрес организации

191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18.
Тел. +7 (812) 315-87-28
Факс: +7 (812) 312-14-65
e-mail: iom@orientalstudies.ru

9 ноября 2015 г.